

— Минну должен знать, где они, — негромко произнес Цзянь Сюэхэ.

Минну и вправду знал. Большинство заклинателей могли разглядеть лишь одно прибежище, а он видел сразу два. Вот только, зная нынешнюю силу Цзянь Сюэхэ, юноша не верил, что тот сам ничего не замечает.

— Брат Хэ, мне с ними не сладить, — отозвался Минну.

Он планировал перехватить добычу позже. Но если Цзянь Сюэхэ останется в стороне, Минну не сумеет нащупать чужую слабость, и тогда тот вновь разыграет карту стороннего наблюдателя, чтобы в конце забрать сокровище себе.

Цзянь Сюэхэ повернулся на голос. Если бы его взгляд не казался столь расфокусированным, Минну почти поверил бы, что тот прозрел.

Задержав на мгновение незрячий взор на лице юноши, Сюэхэ тихо произнес:

— Я и не просил тебя идти туда.

Щеки Минну против воли обдало жаром. Цзянь Сюэхэ был слеп, но это гнетущее ощущение чужого пристального внимания не желало исчезать.

— Ну что, договорились? Если нет, то предлагаю решать делом. Кто принесет добычу молодому господину Чжоу, тому и достанется жемчужина белой яшмы!

Заклинатель, выкрикнувший это, уже обнажил клинок. Яркая вспышка прорезала сумрак, устремляясь к красной башне. Из тени у стены донесся пронзительный визг твари. Сила удара была выверена безупречно: заклинание не развеяло скверну окончательно, но превратило её в едва различимый, колеблющийся силуэт.

Стоило первому обнажить оружие, как двое других, испугавшись, что добыча ускользнет прямо у них из-под носа, тоже схватились за мечи.

Они преградили путь к раненой твари, направив острия на соперника.

— Лаосань, жемчужина не должна достаться тебе. Не обессудь, сегодня мы по разные стороны.

Воздух зазвенел. Клинки скрестились, высекая снопы искр. Минну поспешно отступил на пару шагов. Пока трое яростно бились, один из них улучил момент и исхитрился схватить ускользающую тень.

Сгусток черного тумана затрепетал в его ладони. Счастливчик сжал пальцы крайне осторожно, боясь ненароком развеять хрупкую субстанцию.

В одно мгновение двор превратился в поле яростного боя. Мечи со свистом рассекали воздух, вспышки духовной энергии веером разлетались во все стороны — стоило зазеваться, и тебя зацепит случайным ударом. Минну пятился всё дальше.

Впрочем, драчуны благоразумно обходили стороной Цзянь Сюэхэ — никто не смел направить острие в его сторону. Минну лишь молча наблюдал, как темный сгусток переходит из рук в руки, кружась в безумном водовороте драки.

Истерзанный дух извивался и исходил жутким визгом каждый раз, когда рядом вспыхивала сталь.

Двор наполнился яростным лязгом оружия и предсмертными воплями нечисти. Цзянь Сюэхэ стоял поодаль, не выказывая ни малейшего желания вмешиваться.

— Брат Хэ, ты ждешь, когда они выдохнутся, чтобы забрать добычу? — вкрадчиво поинтересовался Минну.

Цзянь Сюэхэ не подтвердил и не опроверг его догадку. Он лишь ровно ответил:

— Я пришел сюда по уговору, чтобы изгнать скверну. Жемчужина белой яшмы меня не интересует.

Эти слова заставили Минну опешить. Цзянь Сюэхэ действительно пришел не ради артефакта?

Юноша пристально взгляделся в спокойное лицо Сюэхэ. Глядя в его холодные, затуманенные глаза, Минну почувствовал, как в груди поднимается волна раздражения.

В прошлой жизни Цзянь Сюэхэ никогда не тратил силы на столь неблагодарные дела. Неужели Минну зря проделал весь этот путь? Сложно было угадать, какая игра идет в чужой голове, но уступать сокровище Минну не собирался.

Раз уж он здесь, уйти с пустыми руками было бы верхом глупости.

От досады щеки Минну порозовели. Он еще раз сердито зыркнул на Цзянь Сюэхэ, но тот, будучи слепым, не мог заметить его безмолвной ярости.

Юноше оставалось лишь тихо закипать в одиночестве.

— А вот мне жемчужина нужна, — буркнул Минну. — Так что стой здесь и любуйся. Раз уж тут столько благородных мужей, твоя помощь точно не понадобится.

Цзянь Сюэхэ умел выводить его из себя, даже не прикладывая к этому усилий.

С этими словами Минну шагнул вперед, и Меч Пресечения Душ за его спиной с мягким шелестом покинул ножны.

Он не стал лезть в гущу дерущихся заклинателей, а вместо этого направился напрямик к старой раскидистой акации. Сжав рукоять, Минну направил духовную силу в лезвие. Резкий взмах — и ослепительный росчерк обрушился на самую землю, у подножия ствола.

Раздался глухой удар. По двору прокатилась тяжелая незримая волна, прижимая траву к земле. Толстый корень срезало ровно, будто бритвой, и из обнажившегося разлома с шипением поползла темная, едва различимая дымка.

Подобный удар требовал филигранного контроля над духовной энергией — задача непростая даже для опытных адептов, не говоря уже о Минну, у которого еще недавно не было и крупицы совершенствования.

Обрубок корня зиял идеальным, гладким срезом. Черный туман поредел, оставив лишь крошечный сгусток, который безвольно опустился прямо в ладонь юноши.

Минну бережно сжал в пальцах остатки изгнанной твари, похожие на комок содранной кожи, и убрал клинок. В то же мгновение на другом конце двора раздался пронзительный визг — зажатый в руках соперников призрак лопнул, не выдержав очередного удара чужого меча.

Во дворе воцарилась внезапная, звенящая тишина. Заклинатели, затаив дыхание, уставились на ладонь Минну.

— Надо же, под корнями тоже сидел дух... — прошептал кто-то.

— Но ведь половина тумана рассеялась. И этот юнец... у него ведь совсем нет духовных сил! Вы видели этот удар?

— Это непростая техника. Наверняка он скрывает свой истинный уровень.

Перешептываясь, заклинатели начали медленно окружать Минну, и острия их клинков одно за другим повернулись в его сторону.

Оказавшись под прицелом нескольких клинков, Минну замер. Он невольно попятился, прижимая сгусток нечисти к груди свободной рукой.

Сталь зловеще блеснула в полумраке. Юноша крепче сжал рукоять Меча Пресечения Душ, готовясь к худшему, как вдруг перед его глазами пронеслась ослепительная снежная вспышка.

Он даже не успел понять, откуда исходит это сияние. Оно лишь скользнуло мимо, и в то же мгновение оружие заклинателей со звоном посыпалось на камни. Тяжелая, сокрушительная аура навалилась со всех сторон, намертво пригвоздив присутствующих к месту.

Минну во все глаза смотрел, как искрящийся поток света послушно возвращается в ладонь Цзянь Сюэхэ, оборачиваясь Снежным мечом. Сюэхэ стоял, слегка опустив голову; его безупречный профиль казался высеченным из чистейшего нефрита.

— Господа, коль скоро этот юноша первым отыскал убежище твари, победа по праву принадлежит ему. Не так ли?

Голос Сюэхэ звучал ровно, почти равнодушно. Он медленно поднял веки, и его холодные темные глаза замерли, лишённые всяких чувств, словно стылый осенний ветер.

Заклинатели не могли даже шевельнуться под гнетом его духовной силы. Разница в уровне культивации была непреодолимой: пусть Цзянь Сюэхэ и не собирался калечить их, один лишь оскал его меча лишал воли к сопротивлению.

Их клинки валялись на земле. Во дворе висела глухая тишина, и никто не решался возразить. Было очевидно, что Цзянь Сюэхэ открыто покровительствует мальчишке. Попробуй возрази — и холодная сталь Снежного меча мгновенно оборвет спор.

— Разумеется, разумеется... — выдавил один из них с вымученной улыбкой. — Молодой господин Цзянь, прошу, сжальтесь, давайте поговорим спокойно?

— Мы все здесь чтим правила приличия, к чему эта суровость, молодой господин Цзянь?

Минну сжал рукоять покрепче и украдкой покосился на Сюэхэ. Не удержавшись, он бросил на него еще один быстрый взгляд и поспешно юркнул за его широкую спину.

Едва уловимым движением Сюэхэ убрал давление. Душная волна отхлынула, и присмиревшие заклинатели бросились подбирать свое оружие.

Минну чувствовал себя неловко. Он ведь не просил ни о какой помощи, этот человек сам проявил ненужную заботу.

Тем не менее он нехотя буркнул:

— Спасибо за помощь, брат Хэ.

Когда они покидали двор, вслед им донеслось недовольное шушуканье.

— Тоже мне, гений Пути Меча! Обыкновенный самодур, напрочь забывший о благородстве праведных орденов.

— Слыхали, что он устроил на испытаниях? Собственными руками вырезал сто двадцать один человека в иллюзорном мире только потому, что среди них якобы затесалась нечисть. Пусть то были лишь призраки, слухи о его жестокости разлетелись повсюду. Ни один приличный орден не принял его, кроме Ордена Фуфэн.

— Ледяной ублюдок. Что он, что нечисть — разницы никакой.

— Поглядим, как он запоет через пару лет. С такой скоростью прорыва недалеко и до искажения разума.

Голоса звучали достаточно громко, чтобы и Минну, и Цзянь Сюэхэ всё расслышали. Было ясно, для чьих ушей предназначался этот яд.

Минну поморщился от этого писклявого гомона. На кончиках его пальцев вспыхнула тусклая искра, и незаметное проклятие сорвалось в сторону сплетников.

— Да я... — Очередное ругательство оборвалось на полуслове. Двое спорщиков синхронно поскользнулись на ровном месте и с треском рухнули на колени. Их лица мгновенно приобрели землисто-зеленый оттенок — зрелище вышло неопишемое.

Остальные бросились поднимать незадачливых собратьев.

— Откуда здесь этот булыжник?... Поместье Чжоу строили полные идиоты!

— Братья, вы целы?

Потерпевшие, кривясь от боли, принялись усердно разглядывать каменные плиты под ногами, начисто позабыв о перемывании косточек Цзянь Сюэхэ.

Слуга проводил их в главный зал. Чжоу У, увидев в руках Минну пойманную тварь, заметно удивился и бросил вопросительный взгляд на Цзянь Сюэхэ.

Минну прекрасно понимал его замешательство. Награда изначально предназначалась Сюэхэ. Будь на его месте кто-то более совестливый, он давно уступил бы добычу истинному победителю. Но Минну стыдливостью не отличался.

— Раз уж нечисть пала от руки этого юного господина, то и жемчужина белой яшмы принадлежит ему, — рассудил Чжоу У.

По его знаку слуга вынес шкатулку из черного сандала. Крышка была откинута, являя взору драгоценность. Жемчужина сияла молочной белизной, без единого изъяна или темной прожилки. Издали она походила на крошечный, распутившийся в снегах лотос.

Когда Минну бережно принял сокровище, он кожей ощутил на себе завистливые и жадные взгляды уцелевших заклинателей.

— Эту жемчужину следует хранить с величайшей осторожностью. Берегите её от пагубного влияния скверны и ни в коем случае не открывайте шкатулку в нечистых местах, — напутствовал Чжоу У, проявляя к юноше неожиданную учтивость.

Минну сдержанно кивнул. По сути, добыча досталась ему даром лишь благодаря покровительству Сюэхэ.

— Благодарю вас, молодой господин Чжоу, — отозвался Минну.

— Если господа пожелают остаться, двери моего поместья всегда открыты для вас. Комнаты готовы, — радушно предложил хозяин.

Минну вежливо отклонил приглашение. Ему нужно было спешить на встречу с Ли Сяохо — тот как раз должен был вернуться к этому часу.

Они покинули поместье Чжоу один за другим. Цзянь Сюэхэ, несмотря на слепоту, шел уверенно и ровно, ни разу не оступившись.

Обида все еще тлела в груди Минну, и он не удержался от вопроса:

— Брат Хэ, ты правда готов отказаться от жемчужины белой яшмы? И как же твои глаза? Не собираешься их лечить?

— Найдутся и другие способы, — спокойно отозвался Сюэхэ.

Какое-то время им было по пути. Обитель Небожителей, где остановился Цзянь Сюэхэ, располагалась неподалеку, тогда как постоянный двор Минну находился в самом конце торговой улицы.

Юноша замолчал, но на протяжении всей дороги то и дело бросал косые взгляды на идущего впереди спутника. Жемчужина приятно тяжелила ладонь. По обеим сторонам улицы шумел пестрый базар, и то тут, то там торговцы зазывали прохожих отведать ароматных пирожных из

рисовой муки в форме цветов сливы — знаменитого лакомства города Цишэн.

Минну ни разу их не пробовал. Замерев у одного из лотков, он окликнул Сюэхэ:

— Брат Хэ, я хочу вот это.

Он указал на парящие, только что снятые с огня пирожные. Они источали сладкий, манящий аромат, а их глянцевые бока были щедро украшены дроблеными орехами и блестящей глазурью.

— Сладости? — Цзянь Сюэхэ безошибочно уловил медовый дух лакомства и повернул голову к прилавку, искусно разыгрывая незрячего.

Минну неопределенно хмыкнул и протянул:

— Брат Хэ, купишь мне?

Юноша широко распахнул свои темные, глубокие глаза, подобные оленьим, пристально вглядываясь в лицо спутника. Стоило Сюэхэ выказать хоть малейшую фальшь, как вся хрупкая покладистость Минну мгновенно испарилась бы без следа.

Цзянь Сюэхэ опустил ресницы.

— Кошель у меня на поясе. Возьми сколько нужно.

Минну придвинулся ближе и коснулся шелкового мешочка, пристегнутого к его поясу. На дорогой ткани красовалась вышивка в виде золотого нарцисса, а в самом углу едва заметно выделялся искусно вышитый иероглиф «Хэ».

Внутри тихо звякнули духовные камни и несколько кусочков серебра. Минну думал, что Сюэхэ пользуется пространственным кольцом, но, похоже, тот остался верен своим старым привычкам — в прошлой жизни он тоже терпеть не мог обременять себя лишними побрякушками.

Достав пару монет на лакомство, юноша на мгновение замешкался, собираясь затянуть шнурок.

Он никак не мог взять в толк, какую игру затеял Цзянь Сюэхэ, так легко отдав ему сокровище. Лишь спустя три года Минну сообразил, что на его старом именном жетоне стояла следящая печать — и наложить её мог только брат Хэ.

Что же он задумал на этот раз?

Поколебавшись мгновение, Минну достал драгоценную шкатулку и спрятал добытую им жемчужину глубоко на дно чужого кошель.

Сюэхэ отчетливо видел каждую смену эмоций на лице юноши. Он подметил, как тот смешно насупил брови, принимая какое-то нелегкое решение.

Минну упрямо сжимал шкатулку тонкими пальцами, ведя внутреннюю борьбу, но в итоге все же опустил жемчужину белой яшмы в его шелковый кошель.

С самым невозмутимым видом он затянул шнурок и вернул мешочек владельцу.

Цзянь Сюэхэ поймал взгляд этой пары чистых глаз. В их глубине читалась явная, детская досада от расставания с обретенной ценностью, да и сдачу за пирожные Минну, разумеется, решил оставить себе.

<http://bllate.org/book/20439/2214219>